

ИЗДАНИЕ АФРИКАНСКИХ И АФРОАМЕРИКАНСКИХ РУКОПИСЕЙ АДЖАМИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Среди традиций отечественного востоковедения особое место занимает научное издание текстов рукописей. В XIX–XX вв. в России были разработаны или заимствованы из-за рубежа различные методы издания литературных, лингвистических, исторических памятников Востока. Выбор того или иного метода зависел от особенностей письменной традиции в данном регионе, а также от уровня развития научных школ. В слабо исследованных областях долгое время продолжалось историко-филологическое издание памятников, предназначенных «для всех». В более развитых отраслях востоковедения методологическое различие между историческими, лингвистическими, литературоведческими и другими подходами к публикации рукописей давно осознается исследователями.

Опираясь на сравнение с востоковедением как «материнской» областью знания, отечественную африканистику обычно именуют молодой наукой (или комплексом наук). В действительности африканистические исследования в нашей стране имеют более чем столетнюю историю. Проблемы российской африканистики связаны не столько с ее относительной «молодостью», сколько со слабым или неоднократно прерывавшимся развитием многих направлений исследования Африки.

Типичный пример такого прерывающегося развития являет собой история издания рукописей аджами (на африканских языках в арабской графике), созданных в Африке и в африканской диаспоре. В начале 1960-х годов подобные рукописи публиковались в рамках историко-филологической традиции и комплексного подхода к изучению памятников истории и этнографии народов Африки в работах Д.А. Ольдерогге и его учеников [Ольдерогге 1960; Сказки хауса 1963].

Следует отметить, что Дмитрий Алексеевич Ольдерогге был отнюдь не первым отечественным ученым, интересовавшимся африканскими письменностями на базе арабской графики. В то же время именно он впервые в нашей стране приступил к систематическому изучению аджами.

Д.А. Ольдерогге, И.А. Осницкая, З.Л. Пугач, М.А. Смирнова и И.Н. Быкова впервые в мире опубликовали тексты (в латинской транслитерации) и переводы доколониальных рукописей хауса из собрания Г.А. Краузе. Этот немецкий африканист не принадлежал к доминировавшей в Германии националистической, а затем и нацистской научной корпорации, его работы долгое время оставались забытыми. Благодаря исследованиям Д.А. Ольдерогге и его учеников трудами Г.А. Краузе заинтересовались ученые, работавшие в Польше, ГДР, а впоследствии и в других странах. Все они использовали тексты аджами, опубликованные в Советском Союзе.

Д.А. Ольдерогге исследовал аджами прежде всего как историк и этнограф-африканист. В частности, в процессе изучения старо-хаусанских рукописей он разработал и ввел в преподавание уникальный учебный курс «Исторические хроники хауса». Филологический компонент в публикациях, подготовленных под руководством Д.А. Ольдерогге, безусловно, присутствовал, но без сколько-нибудь заметных инноваций. Уже существовавшие в конце 1950-х годов концепции лингвистики, литературоведения, а также фольклористики не были использованы при издании рукописей из собрания Г.А. Краузе. Комментарий к текстам включал разрозненные замечания относительно огласовок, формы и значения отдельных слов, словосочетаний и предложений.

В работах Д.А. Ольдерогге и его учеников преобладали подходы, традиционные для российского востоковедения еще в XIX в. и перенесенные на африканистику. Недостатки таких подходов сегодня очевидны, но не следует критиковать основоположников российской аджамистики за то, что они «всего лишь» адаптировали ориенталистическую традицию к новой области научного знания, не пытаясь с классическим востоковедением. Здесь более уместно обращение к Шекспиру («And enterprises of great pith and moment / With this regard their currents turn awry, / And lose the name of action»).

После первого, но непродолжительного успеха российской аджамистики отечественные африканисты продолжали интересоваться письменными памятниками на языках суахили, хауса, фула в арабской графике, а также малагасийским сорабе. Однако в основном использовались зарубежные издания, собственная традиция публикации рукописей фактически не развивалась. К немногочисленным исключениям можно отнести работы А.А. Жукова (см., например: [Жуков 1975]). Вполне доступные рукописи отечест-

венных собраний (включая тексты и глоссы на фула, хауса, амхарском и оромо в арабской графике, например в собрании Н.С. Гумилева) каталогизировались, но еще долго оставались вне поля зрения исследователей¹.

С 1990-х годов тексты аджами вновь стали регулярно издаваться в России, но почти не изменились «классические» методы издания и набор языков публикуемых рукописей (к уже перечисленным добавились некоторые языки манде, сонгай, канури/канембу, а также «карибский» английский и африкаанс в арабской графике). Старые подходы к публикации текстов все заметнее противоречили новым научным интересам отечественных ученых — лингвистов, литературоведов, культурологов, историков. Желание охватить все сохранялось, но равномерного освещения всех аспектов исследуемого текста не было, да и не могло быть — слишком далеко зашла специализация в отечественной африканистике.

О невозможности такого издания рукописи, которое удовлетворило бы ученых, работавших в разных областях африканистики и смежных дисциплин, вероятно, впервые в нашей стране ясно высказался Л.Е. Куббель во вступительной статье к изданию сонгайских исторических хроник: «Настоящее издание имеет в виду прежде всего публикацию на русском языке важнейших источников по истории средневекового Судана, оно не ставит перед собою специально арабистических задач. Поэтому было решено обойтись в нем без строгой научной транскрипции арабских имен и отдельных выражений. Имелось в виду и то соображение, что в применении к суданской антропо-, этно- и топонимике такая транскрипция, пожалуй, способна лишь ввести читателя в заблуждение из-за обычного в таких случаях полного расхождения буквы с передаваемым ею реальным звуком» [Суданские хроники 1984: 17].

Очевидно, подобный подход к изданию не устроил бы не только арабистов, но и, к примеру, африканистов-лингвистов. В хрониках, которые опубликовал Л.Е. Куббель, упоминаются многочисленные слова и предложения на различных африканских языках, но для тех, кого интересует, к примеру, сонгайская антропонимика, русское издание является недостаточно полным. По этому изданию невозможно восстановить первоначальное написание того или иного слова в арабской графике, в том числе показатели долготы глас-

¹ Об аджами в российских собраниях см., например: [Добронравин 1997, 2005; Dobronravina 2006].

ных, а также звучание кратких гласных, даже если вокализация (огласовка) была описана в самом тексте².

Отказ от классического («комплексного») издания в пользу более специализированных публикаций, безусловно, применим не только к тем африканским и афроамериканским рукописям, в которых преобладает арабский язык. В этой связи стоит вспомнить, что Д.С. Лихачев еще несколько десятилетий тому назад писал о принципиальной недостижимости публикаций, «хороших для всех»: «На данном этапе изучения памятников предположение, что неспециалисты могут издавать памятники для специалистов, — утопия <...> Даже если бы превосходные лингвисты и превосходные историки объединили свои усилия, все равно при совместной подготовке текста к изданию им пришлось бы встать либо на точку зрения лингвиста и издавать для лингвистов, либо стремиться удовлетворить потребности историков <...> Одним словом, научные издания, как нам кажется, могут быть только целенаправленными. Лишь в очень простых случаях (короткий памятник в одном или двух списках) можно вести работу по подготовке издания, имея в виду интересы нескольких наук одновременно» [Лихачев 1983: 482–483]. В «Текстологии» Д.С. Лихачев подробно рассмотрел причины нецелесообразности «общих изданий» и типы научных изданий для литературоведов-русоистов.

В нашей стране уже сложились традиции лингвистического и исторического источниковедения и различных подходов к изданию не только русских, но и восточных рукописей. В зарубежной африканистике также стали нормой специализированные публикации рукописей, выполненные историками (и для историков), в меньшей степени — литературоведами, лингвистами, этнографами. Теперь историки-африканисты не без оснований критикуют «общие издания» как непригодные для целей узкого исторического исследования.

Например, Айвор Уилкс, изучавший историю Ашанти, Гонджи, Валы и других областей на территории современной Ганы, подверг резкой критике одну из публикаций С. Пилашевича, классика польской аджамистики. С. Пилашевич впервые опубликовал «Историю Самори, Бабату и других» на языке хауса [Piłaszewicz 1992]. По

² См., например, комментариев к таким «суданским» словам, как «дали» (возможное чтение — dali, dale) и «дулинта», вар. «дуринта» (dulinta, dulenta, dolinta, dolenta, durinta, durenta, dorinta, dorenta) [Суданские хроники 1984: 46].

мнению Уилкса, сам факт публикации (пусть и неудачной) этой интереснейшей рукописи приведет к тому, что еще долго не появится ее «окончательное издание» («the definitive edition so greatly needed») [Wilks 1993: 222]. Издание «Истории» может быть подвергнуто критике и с других точек зрения (лингвистической и др.). Однако то же следует сказать и о публикациях рукописей, которые осуществил сам Уилкс — удовлетворительных для историков, но не для лингвистов, изучающих язык хауса, а также языки гур и манде в Гане (см., например: [Wilks 1989]).

К сожалению, в отечественных изданиях африканских и афроамериканских рукописей аджами лингвистическое источниковедение пока слабо обособляется от литературоведческих и исторических дисциплин, не говоря уже об этнографии, культурологии, религиоведении или политологии. Такая «комплексность» на практике оборачивается напрасной тратой усилий, иногда очевидным дилетантизмом и результатами, которые не могут в полной мере удовлетворить лингвистов, историков, литературоведов или этнографов-африканистов (это утверждение следует рассматривать и как самокритику со стороны автора данной работы³).

Если для лингвиста интересны, скажем, закономерности передачи в арабской графике отдельных фонем, а также тона и долготы гласного в языке хауса, то для изучения истории Феззана, этнографии Дагомбы или суфийской поэзии Гванду знание этих правил обычно иррелевантно. Историк и этнографу, вероятно, потребуется не сам старохаусанский текст, а лишь его перевод. Исламоведа, скорее всего, заинтересует религиозная лексика хауса, а также явные и скрытые цитаты из исламских, прежде всего суфийских, сочинений, написанных на арабском языке. Лингвиста и литературоведа будет интересовать текст на языке хауса, но с разных точек зрения.

Быстро развивающаяся с начала 1990-х годов каталогизация рукописей в африканских, европейских и американских собраниях показала, насколько значителен корпус письменных памятников исламской Африки и как слабо они изучены. В условиях, когда традиционная мусульманская культура вытесняется современным глобализированным исламом, для изучения многих тысяч рукописей аджами (или на арабском с неарабскими глоссами) не хватает ква-

³ «Общее издание» одного старохаусанского сочинения по разным спискам см., например: [Добронравин 2004].

лифицированных специалистов, в том числе лингвистов. Однако и в обстановке подобного цейтнота «общее издание» при современном уровне развития африканистики в мире (не только в России) кажется малоэффективным и едва ли целесообразным для большинства рукописей аджами.

Если обратиться к рукописям африканской диаспоры, в качестве иллюстрации к сказанному выше можно привести уникальную рукопись с Багамских островов, обычно датируемую 1831 г. В этом памятнике представлены тексты религиозного и исторического содержания на арабском языке, в том числе в его фонетизированном («африканизированном») варианте, на одном из языков манде — языке сонинке или близком к нему («Old Soninke»), а также элементы псевдографики, характерные для магических рукописей. «Правильные» арабские тексты читаются легко, фонетизированные (и огласованные) требуют знания особенностей западноафриканского чтения арабских текстов, понимание текстов на сонинке предполагает хотя бы минимальное знакомство с языками манде. Арабские фонетизированные тексты без огласовки читаются с большим трудом, а псевдографика вообще не читается (с лингвистической точки зрения).

Несомненно, предварительное исследование рукописи требует обращения к данным разных отраслей научного знания. Однако издание памятника багамской исламской словесности одновременно для лингвистов, религиоведов и историков (включая «Slavery studies» как особую научную дисциплину) практически невозможно, несмотря на небольшой объем (10 страниц).

В данном случае предлагается рассмотреть багамскую рукопись с исторической точки зрения. Авторство памятника до сих пор приписывалось некоему Абул Кели, «принцу племени эбо» (Abul Keli, «a prince of an Ebo tribe») [Turner 2008: 141]. Три арабских послания Абул Кели («Arabic dispatches»), которые перевел «арабский лингвист» Мустафа и прислал некий «Пандит», опубликовала в 1831 г. местная газета «Багама Аргус» [The Bahama Argus 1831]. Абул Кели вошел в багамскую историю, о нем упоминают и сайты современных мусульманских организаций на Багамах (см., например: [History s.a.]).

Однако даже первое сравнение «перевода» посланий Абул Кели с сохранившимся оригиналом позволяет утверждать, что «перевод» представлял собой литературную и одновременно политическую

мистификацию. Не вся рукопись пока поддается прочтению, но ничего похожего на «перевод» в ней, скорее всего, нет.

Более того, практически бесспорным представляется источник мистификации. Это сатирические эссе Вашингтона Ирвинга и его соавторов «Сальмагунди, или Причуды и мнения Ланселлота Лангстаффа, эсквайра, и других» («Salmagundi, or the Whim-Whams and Opinions of Launcelot Langstaff, Esq. And Others», 1807–1808), точнее, вошедшие в них «послания» капитана парусного судна («Captain of a Ketch») Мустафы Кели-хана (Mustapha Rub-a-dub Keli Khan, букв. «Мустафа “Барабанный бой” Кели-хан»), адресованные друзьям в ныне ливийском Триполи. В одном из «посланий» США описываются как империя, которой правит «великий и могущественнейший паша» с титулом президента («This empire is governed by a grand and most puissant bashaw, whom they dignify with the title of president») [Salmagundi 1820: 1, 63]. Там же упоминается и арабский историк Абу-л Фарадж (Abul Faraj), очевидно, знаменитый сирийский ученый XIII в. Абулфарагиус Бар-Гебреус (Бар Эбрей) [Salmagundi 1820: 1, 64].

Багамский Абул Кели, скорее всего, был изобретен одним из авторов газеты «Багама Аргус», знакомым с творчеством Вашингтона Ирвинга. Лишь некоторые имена собственные в «посланиях Абул Кели» были заимствованы из какого-то другого источника.

Публикация «арабских посланий Абул Кели» была связана с борьбой, которую вели между собой в 1831–1833 гг. местное собрание Багамских островов и британский губернатор, участник битвы при Ватерлоо и сторонник освобождения рабов Дж. Кармайкл Смит. Газета «Багама Аргус» поддерживала противников губернатора, выступавших за его отстранение от должности. В свою очередь Дж. Кармайкл Смит распустил собрание, но затем был вынужден покинуть свой пост.

Обращение Абул Кели к губернатору заслуживает того, чтобы его процитировать в оригинале: «Most renowned and thrice puissant Bashaw! (I have been told that is your title) whose Glorious Head rivals that of the Great God of Fire; who daily smiles upon his devoted worshippers, the sons of Keli Katchbach, ripening their harvests with his genial light and warmth, and invigorating their lusty bulls, by his radiant heat; hear the voice of Abul Keli — the son of Sham Keli, the son of Mahoumba Keli, whose progenitor the Great Keli Katchbach, was produced by a ray of the Great Influence, which fell upon the Princess Ya-

mami Aboul, as she bathed in the waters of the rivulet Shaa Keli, in the fruitful province of Ebo, and from which Great Ray, we, the sons of Keli, date our existence, as well as our Great name» [The Bahama Argus 1831, September 14: 2]. Трудно представить, чтобы автором такого текста мог быть мусульманин.

Палеографические особенности оригинала рукописи, приписываемой Абул Кели, показывают, что ее автор происходил не из «эбо» (игбо), очень слабо исламизированного народа в восточной части современной Нигерии, а из более западных областей, например из Сенегамбии. Автор рукописи не был исламским ученым, но мог писать и по-арабски, и на «старом сонинке». Помимо некоторых сур Корана, он был знаком с сирой (жизнеописанием) пророка Мухаммада. Об этом свидетельствует уникальный тавассул на странице 10 багамской рукописи — обращение к Аллаху через посредство детей Мухаммада.

Тавассул XIX в., более не сохранившийся нигде в Латинской Америке и в регионе Карибского моря, включает списки сыновей и дочерей Мухаммада. В этих списках и в двуязычных предисловиях к ним Мухаммад именуется «фари» (fari). Скорее всего, так передается на письме слово сонинке faare ‘посланник; пророк’ или его фонетический вариант, ср. также титулы в империи Сонгай — багана-фари, денди-фари, курмина-фари (вар. канфари), фари-мундио⁴.

Оба списка в основной части представляют собой однотипные предложения на языке сонинке или на близком к нему языке/диалекте с арабскими именами собственными:

Tairu fari sarifu-ya-ni. Muta //iru fari sarifu-ya-ni. ‘Abdulkasimī fari sarifu-ya-ni. // Wa-Ibūrayumā fari sarifu-ya-ni <...>

Fatumata fari sarifu-ya-ni. Rukuyata fari sarufu-ya-ni // f[i]-ya-ni. Jān[a]ba-fari sarifu-ya-ni. Humukatami fari sari //fu-ya-ni.

‘Тахир [был] потомком (шариф) пророка. Муттахир [был] потомком пророка. ‘Абд ал-Касим [был] потомком пророка. И Ибрахим [был] потомком пророка. <...>

Фатима [была] потомком пророка. Рукайя [была] потомком пророка. Зайнаб [была] потомком пророка. Умм Кулсум [была] потомком пророка.’

Основой тавассула, который можно отнести к памятникам афроамериканского аджами, вероятно, была сира (по Ибн Касиру).

⁴ По Л.Е. Куббелю, «князь», «наместник», «правитель» [Суданские хроники 1984: 462–469].

Имена двух рано умерших детей Мухаммада, ‘Абдаллаха и ал-Касима, были объединены в одно имя. Остальные имена, вошедшие в тавассул, были записаны не по правилам арабской орфографии, а в соответствии с западносуданским произношением. Как и «африканизированные» коранические тексты в багамской рукописи, они, несомненно, заслуживают изучения с лингвистической точки зрения.

В заключение следует отметить, что современные технологии оцифровки позволяют сохранить оригинальный текст для изучения в будущем с точки зрения различных наук. Что касается кодикологических аспектов исследования и некоторых особенностей палеографии (материал письма, филигранны), оцифровка оказывается недостаточно эффективной или бесполезной. Поэтому при издании рукописей аджами целесообразен следующий порядок их изучения: сначала кодикологическое исследование, затем работа непосредственно с текстом в зависимости от научных интересов ученого. Если оцифрованная рукопись утрачена либо работа с нею по каким-либо причинам невозможна, исследователю приходится ограничиваться изучением оцифрованного текста.

Исключения составляют исследования по этнографии письма или исламской педагогике. В этих случаях первое место должна занимать проблематика, связанная с особенностями бытования памятника и грамотностью в данном регионе (независимо от языка рукописи).

Литература

Добронравин Н.А. Западноафриканские рукописи в Санкт-Петербурге. I. Рукопись А 1528 из собрания Института востоковедения РАН // Бюллетень Центра африканских исследований СПбГУ. 1997. № 2. С. 8–9.

Добронравин Н.А. Фула-хауса-арабская медицинская рукопись «Фа’ида хақіқа шурб ас-санā’» (из собрания СПбФ ИВ РАН) // Письменные памятники Востока. 2005. № 1. С. 35–42.

Добронравин Н.А. Исторические песни хауса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 164 с.

Жуков А.А. Из образцов старосуахилийской литературы // Африканский этнографический сборник: Africana X. 1975. С. 110–116.

Лихачев Д.С. Текстология. Л.: Наука, 1983. 639 с.

Ольдерогге Д.А. Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 267 с.

Сказки хауса / Пер. и коммент. И.Н. Быковой и М.А. Смирновой // Африканский этнографический сборник: *Africana V*. 1963. С. 259–298.

Суданские хроники: Пер. с араб. М.: Наука, 1984. 499 с.

Dobronravin N. Gumilev's Manuscript Collections (Harar and Jimma) // Proceedings of the 15th International Conference of Ethiopian Studies. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2006. P. 569–571.

Pilaszewicz S. The Zabarma Conquest of North-West Ghana and Upper Volta. A Hausa Narrative «Histories of Samory and Babatu and others» by Mallam Abu. Warsaw: Polish Scientific Publishers, 1992. 207 p.

Salmagundi, or the Whim-Whams and Opinions of Launcelot Langstaff, Esq. And Others. 3rd ed. N.Y.: Thomas Longworth and Co., 1820. 3 vols.

The Bahama Argus. 1831. September 14; September 21, p. 2–3; October 29. P. 2–3.

Turner G. Bahamas: Liberated Africans // Encyclopedia of the African diaspora: origins, experiences and culture. Vol. 1. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, Inc. 2008. P. 141–142.

Wilks I. 'He was with them': Malam Abu on the Zabarma of the Middle Volta Basin. The Zabarma conquest of North-west Ghana and Upper Volta. A Hausa narrative 'Histories of Samory and Babatu and others' by Mallam Abu by Stanislaw Pilaszewicz. Polish Scientific Publishers, Warsaw, 1992. 207 p. // Sudanic Africa. 1993. No 4. P. 213–222.

Wilks I. Wa and the Wala: Islam and Polity in North-western Ghana. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. xvi, 256 p.

History // Jamaa' Ahlus-Sunnah Bahamas (formerly Jamaat-ul-Islam Bahamas), s.a. URL: <http://jamaaahlus-sunnah.com/history>.